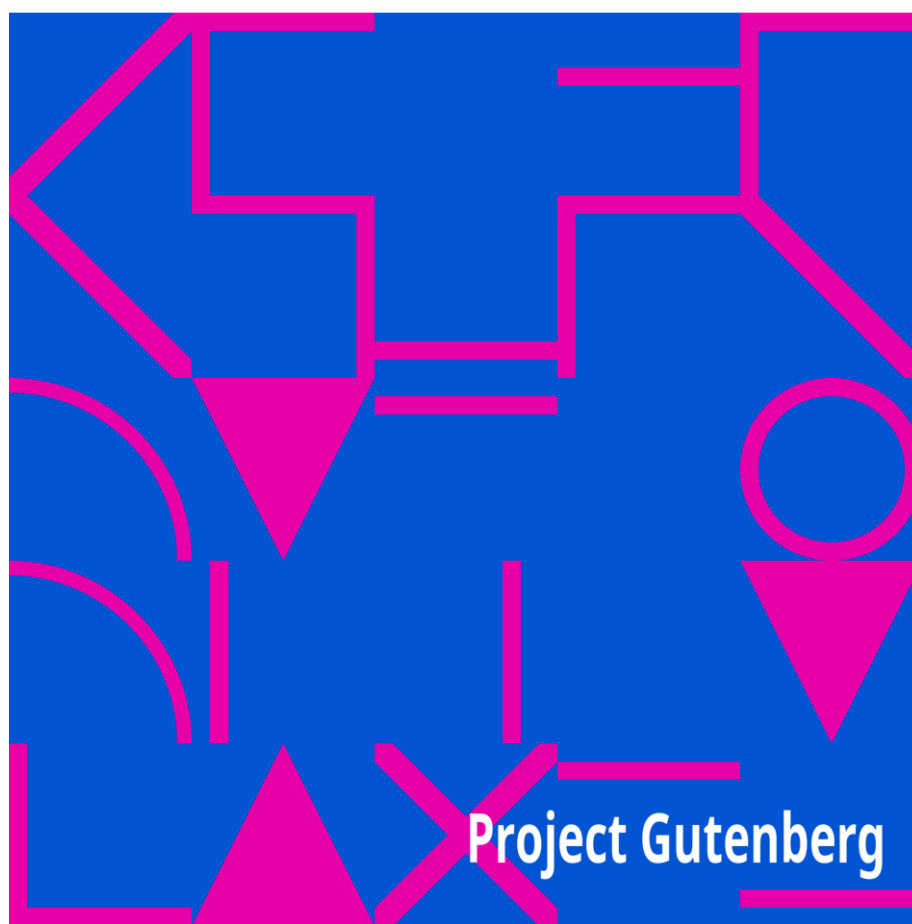

Никаких компромиссов с рабством. Обращение, произнесенное в Бродвейской скинии, Нью-Йорк

Уильям Ллойд Гаррисон

No Compromise with Slavery

William Lloyd Garrison

Электронная книга проекта Гутенберга "Никаких компромиссов с рабством"

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Никаких компромиссов с рабством

Автор: Уильям Ллойд Гаррисон

Дата выхода: 7 января 2008 [Электронная книга №24194]

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Джинни Хауз, Брайан Несс и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Print Project.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "БЕЗ КОМПРОМИССОВ С РАБСТВОМ "

Примечание переписчика:

Очевидные опечатки были исправлены. Полный список приведен в [конце этого документа](#).

Никаких компромиссов с рабством

ОБРАЩЕНИЕ, ПРОИЗНЕСЕННОЕ В СКИНИИ НА БРОДВЕЕ, НЬЮ-ЙОРК,

14 ФЕВРАЛЯ 1854 года,

АВТОР УИЛЬЯМ ЛЛОЙД ГАРРИСОН.

НЬЮ-ЙОРК:

АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО БОРЬБЫ С РАБСТВОМ,

НАССАУ-СТРИТ, 142,

1854.

АДРЕС.

Дамы и джентльмены, Искренняя поддержка дела борьбы с рабством в течение четверти века при обстоятельствах, которые особым образом способствовали отождествлению моего имени и трудов с ним, защитит меня от обвинения в эгоизме, поскольку я предполагаю быть его выразителем — по крайней мере, для себя — в этом случае. Моей целью будет выполнить все, что я смогу сжать в рамках одной лекции, путем ее разъяснения. Я буду говорить об этом чистосердечно. Вы узнаете все, что у меня на сердце, касающееся рабства, его сторонников и апологетов.

По необходимости, а также по собственному выбору я являюсь "гаррисонианским" аболиционистом - самое непопулярное название, которое только может быть применено к человеку при нынешнем состоянии общественных настроений; и все же я более чем уверен, что в конечном итоге мне суждено заслужить почетное отношение мудрых и добрых людей. Ибо, хотя я никогда не претендовал на роль лидера — никогда не стремился к заметному положению или дурной славе имени — желал последовать, если другие, более квалифицированные, пойдут впереди, и затеряться из виду в толпе приверженцев Свободы, как капля растворяется в океане; тем не менее, поскольку упомянутое название применяется не по отношению ко мне с завистью, а для возбуждения предубеждения против благороднейшего движения эпохи, для того, чтобы самая ужасная система угнетения, когда—либо изобретенная человеческой

изобретательностью, и не была уничтожена. порочности может быть предоставлено расти и распространяться до последнего поколения — я принимаю это как синоним абсолютного доверия к Богу и полного пренебрежения "тем страхом перед человеком, который расставляет сети", - и поэтому считаю это в равной степени почетным и похвальным.

Представляя, таким образом, ту фазу аболиционизма, которая вызывает наибольшее презрение — на подавление которой наиболее активно направлены средства и силы Церкви и государства, — я здесь для того, чтобы защищать ее от всех ее противников как высшую целесообразность, самую здравую философию, самый благородный патриотизм, самую широкую филантропию и лучшую из существующих религий. Осуждать его как фанатичного, дезорганизирующего, не считающегося с последствиями, ожесточенного и непочтительного по духу, неверующего сердцем, одинаково глухого к внушениям разума и предостережениям истории, значит называть добро злом, а зло добром; выдавать тьму за свет, а свет за тьму; настаивать на том, что Варавва лучше Иисуса; покрывать позором память патриархов и пророков, апостолов и мучеников; и провозглашать сатану Богом вселенной. Если, подобно солнцу, оно не совсем безупречно, все же, подобно солнцу, без него нет света. Даже если темные облака скрывают его яркость, оно все равно сияет во всей своей силе. Если at a, кажется, идет на убыль до своего окончательного заката, то это только для того, чтобы раскрыться в великолепии нового вознесения, неугасимого, славного, возвышенного.

Позвольте мне обозначить свои позиции и в то же время призвать любого показать, в чем их несостоятельность.

I. Я верю в ту часть Декларации независимости Америки, в которой среди самоочевидных истин говорится, "что все люди созданы равными; что они наделены своим Создателем определенными неотъемлемыми правами; что среди них жизнь, свобода и стремление к счастью". Следовательно, я аболиционист. Следовательно, я не могу не относиться к угнетению в любой форме — и прежде всего к тому, что превращает человека в вещь — с негодованием и отвращением. Не лелеять эти чувства было бы принципиальным отступничеством. Те, кто желает, чтобы я молчал по поводу рабства, если я не открою рот в его защиту, просят меня изобличить ложь в моей профессии, унижить мою мужественность и запятнать мою душу. Я не буду лжецом, трусом или лицемером, чтобы угодить какой-либо партии, угодить какой-либо секте, избежать какой-либо одиозности или опасности, сохранить какие-либо интересы, сохранить какой-либо институт или продвигать какую-либо цель. Убедите меня, что один человек может по праву сделать другого человека своим рабом, и я больше не буду подписываться под Декларацией независимости. Убедите меня, что свобода не является неотъемлемым правом по рождению каждого человека, независимо от цвета кожи и климата, и я отдам этот инструмент всепожирающему огню. Я не знаю, как совместить свободу и рабство. Я не знаю, как поклоняться Богу и Маммоне одновременно. Если другие мужчины предпочитают ходить на четвереньках, я предпочитаю стоять прямо, как Бог предназначил стоять каждому мужчине. Если, практически фальсифицируя свои засвидетельствованные небом принципы, эта нация осудит меня за отказ подражать ее примеру, тогда, тем более упорно придерживаясь этих принципов, я не перестану упрекать ее за преступную непоследовательность. Численно борьба может быть неравной, на данный момент; но Создатель свободы и Источник справедливости, обожаемый Бог, более чем многочислен, и он будет защищать свое право. Мое преступление в том, что я не пойду с толпой творить зло. Моя особенность в том, что когда я говорю, что Свобода от Бога, а рабство от дьявола, я имею в виду именно то, что говорю. Мой фанатизм

заключается в том, что я настаиваю на том, чтобы американский народ отменил рабство или перестал разглагольствовать о правах человека. Моя стойкость заключается в том, чтобы оценивать их по их собственным меркам и осуждать их из их собственных уст.

"Горе мятежным детям, речет Господь, которые принимают совет, но не от меня; и которые прикрываются покровом, но не от моего духа, чтобы добавлять грех к греху.

Которые идут, чтобы спуститься в Египет, и не просили уст моих; чтобы укрепиться в силе фараона и уповать на тень Египта!

Поэтому сила фараона будет вашим позором, и в тени Египта вы будете посрамлены.

Теперь пойди, запиши это перед ними в таблицу и запиши в книгу, чтобы это было на века вперед:

Что это мятежный народ, лживые дети, дети, которые не хотят слушать закон Господень.

Которые говорят провидцам: "Не смотрите"; и пророкам: "пророчествуйте нам не правильные вещи; говорите нам приятные вещи; пророчествуйте обманы"; "уведите вас с пути, сверните с пути, заставьте Святого Израиля исчезнуть от нас".

А потому так говорит Святой Израилев: за то, что вы презираете это слово и уповаете на угнетение и порочность и остаетесь на них,

Поэтому это беззаконие будет для вас как готовая упасть брешь, вздувающаяся в высокой стене, разрушение которой произойдет внезапно, в одно мгновение".

II. Несмотря на уроки, преподанные нам отцами-пилигримами и предками-революционерами в Плимут-Роке, на Банкер-Хилл, в Лексингтоне, Конкорде и Йорктауне; несмотря на наши празднования Четвертого июля и показательные проявления патриотизма, в какой европейской стране личная свобода подвергается такому презрению, как в нашей собственной? Где находятся такие неверующие в естественное равенство и свободу человечества? Наших рабов больше, чем всего населения страны на момент нашей революционной борьбы. Напрасно они бряцают цепями, оглашают воздух своими воплями и призывают о пощаде. Напрасно изображаются их страдания, репетируется их несправедливость, отстаиваются их права. Как Нерон играл на скрипке, пока горел Рим, так и рабовладельческий дух этой нации ликует по мере того, как рушатся один барьер свободы за другим, и умножаются новые жертвы для хлопковых полей и аукционов. Для одного обвинения рабовладельческой системы приводится тысяча доводов в защиту. Для одного упрека в адрес похитителя людей выслушивается тысяча обвинений в адрес аболиционистов. Ради одной прессы, которая правдиво свидетельствует против рабства, десятки готовы стать проститутками на ее службе. На одну кафедру, которая "не соответствует своему доверию", приходится десять, которые открыто защищают рабовладение как совместимое с христианством, и десятки тупиц. Для одной церкви, которая исключает поработителя человека из своего причастия, множество людей протягивают ему правую руку религиозного общения. Богатство, предприимчивость, литература, политика, религия страны - все это объединено, чтобы дать расширение и вечность Рабовладельческой власти. Повсюду оказывать ему почтение, избегать столкновения с ним, умиловать его благосклонность считается необходимым — более того, *это* необходимо для политического преимущества и церковного продвижения. Ничто так не непопулярно, как беспристрастная свобода. Две

великие партии, которые поглощают почти все голоса Республики, поклялись быть глухими, немыми и слепыми к любым безобразиям, которые Рабовладельческая власть может попытаться совершить. В ушах у них вата, на глазах жалюзи, на губах висячие замки. Они подобны глине в руках горшечника и уже отлиты в сосуды бесчестия, которые будут использованы в самых низменных целях. Огромная власть правительства активно используется для того, чтобы "подавить" ту малую антирабовладельческую жилку, которая остается в сердцах отдельных людей, и открыть новые и безграничные области для расширения рабовладельческой системы. Ни одному человеку, известному или подозреваемому во враждебности к "Компромиссным мерам, включая Закон о беглых рабах", не разрешается надеяться на какую-либо должность при нынешней Администрации. Государственный корабль барахтается в морской пучине — его двигатель не работает, фальшборт снесен, мачты разрушены, спасательные шлюпки уничтожены, насосы заглохли, течь быстро нарастает; и по мере того, как волна за волной обрушиваются на него, все, что могло бы в противном случае удерживать его на плаву, поглощается безжалостной пучиной. Боже небесный! если кораблю суждено пойти ко дну "на много морских саженей глубиной", неужели все души на борту погибнут? Эй! парус! парус! Потрепанный непогодой, но стойкий корабль "Отмена" под командованием Геня Свободы направляется к месту крушения с ободряющим девизом, написанным разборчивыми заглавными буквами: "Мы вас не оставим!" Будем надеяться, даже вопреки всякой надежде, что спасение не совсем невозможно.

Отказаться от того, что является образным, ради реального. Я выразил убеждение, что мы настолько утратили всякое самоуважение и все представления о справедливости из-за разлагающего присутствия рабства, что ни в одной европейской стране личная свобода не ценится с таким пренебрежением в принципе, как в нашей собственной. Посмотрите, как ясно это продемонстрировано. Доводы, приводимые нами в оправдание рабовладения и, следовательно, против личной свободы, многочисленны. Я перечислю только дюжину из них: 1. "Жертвы чернокожие". 2. "Рабы принадлежат к низшей расе". 3. "Многие из них были честно куплены". 4. "Другие были честно унаследованы". 5. "Их освобождение разорило бы их владельцев". 6. "Им лучше быть рабами, чем свободными людьми". 7. "Они не смогли бы позаботиться о себе, если бы их освободили". 8. "Их одновременное освобождение было бы сопряжено с большой опасностью". 9. "Любое вмешательство в их защиту приведет к возбуждают недоброжелательность Юга и, таким образом, серьезно влияют на торговлю Севера". 10. "Союз можно сохранить, только оставив рабство в покое, и это имеет первостепенное значение". 11. "Рабство - это законная и конституционная система, и поэтому оно не является преступлением". 12. "Рабство санкционировано Библией; Библия - это слово Божье; следовательно, Бог санкционирует рабство, и аболиционисты мудры выше того, что написано".

Итак, вот двенадцать доводов, которые широко выдвигаются во всех частях страны как убедительные против права человека на самого себя. Если они в любом случае действительны, что становится с Декларацией независимости? На каком основании может быть оправдана война за независимость, любая борьба за свободу? Нет, разве не могут все деспотии земли укрыться под ними? Если они действительны, то почему иезуитская доктрина о том, что цель освящает их и что правильно творить зло, чтобы могло прийти добро, не является морально обоснованной? Если они действительны, то как получается, что Бог не уважает людей? или как он может сказать: "Все души принадлежат мне"? или что делать с заповедью Христа: "Никого не называй хозяином"? или с какой справедливостью можно требовать от движимого имущества

тех же обязанностей (которые воплощены в Десятисловии и Евангелии Христа), что и от людей? Но они недействительны. Это логика Бедлама, мораль пиратского корабля, дьявольщина преисподней. Они оскорбляют здравый смысл и шокируют моральную природу человечества. Отвезите их в Европу, и вы увидите, с каким презрением к ним будут относиться повсюду! Поезжайте сначала в Англию и серьезно изложите их там; и всеобщий отклик с гордостью прозвучит в захватывающих строках Каупера:

"Рабы не могут дышать в Англии; если их легкие
вдохнут наш воздух, в этот момент они свободны!
Они коснутся нашей страны, и их оковы падут!"

Каждый британец, возмущенный этим чудовищным заявлением, ответит выразительными словами Брозма: "Не говорите мне о правах; не говорите о собственности плантатора на своих рабов! Я отрицаю право — я не признаю собственность! Принципы, чувства нашей природы восстают против этого. Обращено ли обращение к разуму или к сердцу, приговор тот же, что отвергает его". И Карран в словах жгучего красноречия ответит: "Я говорю в духе британского закона, который делает свободу соизмеримой с британской землей и неотделимой от нее, который провозглашает даже иностранцу и временному жителю, что земля, по которой он ступает, священна и освящена гением всеобщей эмансипации. Неважно, на каком языке могла быть произнесена его судьба; неважно, какой цвет лица могло опалить его индийское или африканское солнце; неважно, в какой катастрофической битве его свобода могла быть раздроблена; неважно, с какой торжественностью он мог быть принесен в жертву на алтарь рабства; в первый момент, когда он касается священной земли Британии, алтарь и бог вместе оседают в прах — его дух разгуливает в своем собственном величии — его тело распухает сверх меры от его цепей, и он стоит искупленный, возрожденный и освобожденный из плена непреодолимым врагом. гений всеобщей эмансипации".

Еще раз — передайте эти рабовладельческие мольбы Шотландии, и из могил мертвых и домов живых на них прозвучит громовой ответ на языке Бернса: "Мужчина есть мужчина, несмотря ни на что".

"Кто мог бы стать предателем, негодяем?
Кто мог бы заполнить могилу труса?
Кто настолько низок, как быть рабом?
Пусть он повернется и убежит!"

Перенеситесь в Ирландию, и там повторите эти оправдания рабства, и восемь миллионов голосов ответят словами Томаса Мура:

"Подумать только, человек, ты справедливый и любящий Бог!
Должен стоять перед тобой с жезлом тирана,
Среди созданий, подобных ему, с душами, унаследованными от Тебя,
И все же смеет хвастаться совершенной свободой!
Прочь! прочь! Я бы предпочел свернуть себе шею
Из-за сомнительного владения султаном,
В краях, где свобода едва ли была названа,

Ни на какие другие права, кроме права править, не претендовал,
Чем так жить, где хваленая Свобода размахивает
Своим фустианским флагом в насмешку над рабами!"

И свидетельство О'Коннелла от имени всей Ирландии будет передаваться из уст в уста: "Я аболиционист. Я за быструю отмену смертной казни. Меня не волнует, какой касты, вероисповедания или цвета кожи может придерживаться рабство. Будь оно личным или политическим, ментальным или телесным, интеллектуальным или духовным, я за его немедленную, полную отмену. Я за справедливость, во имя человечества и в соответствии с законом живого Бога". "Пусть ни один из рабовладельцев, торговцев человеческим мясом, не посмеет ступить ногой на нашу свободную землю!" "Мы все дети одного Создателя, наследники одного и того же обетования, купленные кровью одного и того же Искупителя - и что означает, какого цвета кожи или вероисповедания мы можем принадлежать? Наш долг провозгласить, что дело негров - это наше дело, и что мы будем настаивать на том, чтобы стереть, в меру наших человеческих возможностей, пятно рабства не только с каждой части этой могущественной империи, но и со всего лица земли". "Пусть почитают американских аболиционистов пропорционально тому, как ненавидят рабовладельцев".

Отправляйтесь на Континент, даже в охваченную папством Италию, и там призывайте народ к мольбам в защиту рабовладения, а из Ватикана - папу Григория XVI. ответим: "Мы настоятельно призываем, во имя Бога, всех христиан, независимо от состояния, чтобы никто впредь не осмеливался обращать в рабство, несправедливо преследовать или отнимать их имущество у индейцев, негров или других классов людей, или быть пособниками других, или оказывать им помощь в этом; и ни в коем случае впредь не заниматься той бесчеловечной торговлей, в результате которой негров обращают в рабство, как будто они не люди, а автоматы или движимое имущество, и продаются вопреки всем законам Природы". справедливости и человечности, и предан суровому и невыносимому труду".

Отправляйтесь в Австрию и там защищайте практику обращения людей в рабство, и австрийский кодекс провозгласит: "Каждый человек по праву природы, санкционированному разумом, должен считаться свободной личностью. Каждый раб становится свободным с того момента, как он ступает на австрийскую землю или на австрийский корабль".

Наконец, войдите во владения Туниса и там предъявите права собственности на человека, и Мушир Ахмед Башау Бей ответит: "Мы заявляем, что все рабы, которые прибудут в наше королевство по суше или по морю, будут свободны; и далее приказываю, чтобы каждый, кто родился рабом в наших владениях, считался свободным с самого момента своего рождения, и что он не может быть ни продан, ни куплен".

Таким образом, я доказываю, что в отношении личной свободы — права каждого человека на владение собственным телом — даже Италия, Австрия и Тунис опережают эту хваленую Республику и открыто позорят ее!

III. Аболиционизм, который я защищаю, столь же абсолютен, как закон Божий, и столь же непреклонен, как Его трон. Он не допускает компромиссов. Каждый раб - это украденный человек; каждый рабовладелец - это похититель людей. Ни по какому прецеденту, ни по какому примеру, ни по закону, ни по договору, ни по покупке, ни по завещанию, ни по наследству, ни по

стечению обстоятельств рабовладение не является правом или оправданным. Пока раб остается в своих оковах, земля не должна знать покоя. Какими бы ни были санкции, его судьба должна быть объявлена проклятой. Закон, который превращает его в движимое имущество, должен быть попран ногами; договор, заключенный за его счет и скрепленный его кровью, недействителен; церковь, которая соглашается на его порабощение, ужасно атеистична; религия, которая принимает в свою общину поработителя, является воплощением всякой преступности. Таков, по крайней мере, вердикт моей собственной души, основанный на предположении, что я должен стать рабом; что моя жена должна быть продана мне для самых гнусных целей; что моих детей нужно вырвать из моих рук и продать тому, кто больше заплатит, как овец на рынке. И кто я, как не мужчина? Какое право имею я быть свободным, если другой человек не может доказать, что обладает им от природы? Кто или что такое мои жена и дети, что их не следует пасти с четвероногими животными, а также с другими, столь свято связанными? Если я белый, а другой черный, в сложном смысле, что из этого следует?

"Значит ли это, что внутренний бессмертный принцип
меняется вместе с обычным цветом кожи?
Управляет ли духом материя? или разум
деградирует из-за формы, к которой он присоединен?"

Что, если я богат, а другой беден - силен, а он слаб—умен, а он невежествен—возвышен, а он
развращен? "Разве у нас не один Отец? Разве не один Бог сотворил нас?"

"Как богат, как беден, как ничтожен, как величествен,
Как сложен, как прекрасен человек!
Выдающееся звено в бесконечной цепи бытия, на
полпути от ничто к Божеству!
Луч эфирный, запятнанный и поглощающий;
Хотя запятнанный и обесчещенный, все равно божественный!"

Таков человек в любом климате — выше всех соглашений, величественнее всех институтов,
неприкосновенен вопреки любому посягательству, бесценен, бессмертен!

Этому верному испытанию подлежат каждое учреждение, каждая партия, каждая форма
правления, каждая религия. Бог никогда не создавал человека ни для разрушения, ни для
деградации. Следовательно, ясно, что все, что не может процветать без принесения в жертву
этого существа, не должно существовать. Покажите мне партию, которая может добиться
превосходства, только попирая человеческую индивидуальность и личный суверенитет, и вы
тем самым вынесете ей смертный приговор. Покажите мне правительство, которое может быть
сохранено только путем уничтожения прав части народа; и вы укажете мне на обязанность
открыто восстать против него. Покажите мне религию, которая санкционирует владение одним
человеком другим, и вы продемонстрируете, что она чисто inferнальная по своему
происхождению и духу.

Ни один человек не должен быть ущемлен в своей личности, уме или имуществе. Он не может
быть ущемлен с выгодой для любого другого человека или для любого состояния общества. Тот,
кто жертвует им ради какой-либо цели, морально и политически безумен. Каждый человек

эквивалентен любому другому человеку. Уничтожьте эквивалент, и что останется? "Итак, Бог сотворил человека по своему собственному образу - мужчину и женщину сотворил он их". Это смертельный удар по всем претензиям на превосходство, по всем обвинениям в неполноценности, по любой узурпации, по любому деспотическому господству.

Но все три заявления - прописные истины. Совершенно определено; и это все, что клеймится как "гаррисонианский аболиционизм". Я ни разу не высказывал крайних чувств и не выдвигал экстравагантных требований. Я избегал фанатизма, с одной стороны, и полностью - с другой. Ни один человек не сможет доказать, что я хоть на шаг переступил черту справедливости или забыл о благополучии хозяина в своем стремлении освободить раба. Почему, граждане Эмпайр Стейт, вы провозгласили свободу всем находящимся в рабстве на вашей земле в 1827 году и во веки веков? Конечно, не по соображениям целесообразности, а из принципа. Почему вы объявляете рабовладение между собой незаконным? Почему в этом штате не так легко покупать, разводить, наследовать и делать рабов, совместимых с доброжелательностью, справедливостью и прямоотой, как в Каролине или Джорджии? Почему вы заставляете разоблаченного беженца с Земли Ван Димена вздохнуть о "плантации, изобилующей здоровыми неграми в Алабаме", и не даете ему права владеть рабами и пороть их в вашем присутствии? Если рабовладение не является чем-то неправильным при любых обстоятельствах, почему вы постановили, что это так, в пределах юрисдикции вашего штата? Нет, зачем вам судебная система, законодательное собрание, гражданский кодекс, урна для голосования, как не для того, чтобы сохранить ваши права как единого человека? На каком еще основании, кроме того, что вы мужчины, вы заявляете о праве на личную свободу, на родственные связи, на средства совершенствования, на постоянное развитие, работать, когда и для кого пожелаете, заключать свои собственные контракты, читать, говорить и печататься, как вам заблагорассудится, оставаться дома или путешествовать за границу, пользоваться избирательным правом, назначать своих собственных правителей? То, что вы требуете для себя в силу своей мужественности, я требую для поработанных на Юге, на том же основании. Как так получилось, что я безумец, а вы совершенно рациональны? В чем проявляется мой ультраизм? Если рабы не люди; если они не обладают человеческими инстинктами, страстями, способностями и способностями; если они неподотчетны и лишены разума; если для них нет надежды на бессмертие, ни Бога, ни рая, ни ада; если, короче говоря, они являются тем, чем объявляет их Кодекс рабовладельцев, справедливо "считающимися, проданными, взятыми, пользующимися репутацией и признанными по закону личным имуществом, находящимся в руках их владельцев и обладательниц, а также их исполнителей, администраторов и правопреемников, со всеми намерениями, конструкциями, и какими бы то ни было целями; - тогда, несомненно, я сумасшедший и больше не могу отличить человека от зверя. Но в таком случае, прочь ужасную нелепость давать им устные наставления, учить их катехизису, признавать их подходящими для того, чтобы быть членами христианских церквей, распространять на них таинство крещения, допускать их к причастию и перечислять многих из них как принадлежащих к дому веры! Пусть они будут учитываться в наших религиозных симпатиях или деноминационной статистике не больше, чем собаки на наших улицах, свиньи в наших загонах или утварь в наших жилищах. Это право владеть ими, покупать, продавать, наследовать, размножаться и контролировать их в самом абсолютном смысле. Все конституции и законы, запрещающие их владение, должны быть изменены или отменены настолько, чтобы признавать это право.

Но, если они люди; если им суждено пройти тот же путь бессмертия, что и нам; если над ними действует тот же закон Божий, что и над всеми другими; если у них есть души, которые нужно

спасти или потерять; если Иисус включил их в число тех, за кого он отдал свою жизнь; если Христос внутри многих из них - "надежда славы"; тогда, когда я требую для них всего, чего мы требуем для себя, потому что мы созданы по образу Божьему, я не виновен в расточительности, но связан всеми принципами чести, всеми притязаниями человеческой природы, повинуюсь Всемогущему Богу, "помнить о тех, кто в узах, как связанных с ними", и требовать их немедленного и безоговорочного освобождения.

Я "ультра" и "фанатичный", безусловно! В каком направлении или влияю на какие партии? Что, по моему убеждению, следует сделать с рабовладельцами? Их наказывают как особо тяжких преступников? Нет. Я просто произнес им в ухо божественное повеление: "Развяжите путы нечестия, снимите тяжелое бремя, сокрушите всякое ярмо и позвольте угнетенным выйти на свободу", сопровождая его ободряющими обещаниями: "Тогда свет твой померкнет, и тьма твоя будет подобна полудню. И Господь будет постоянно направлять тебя, и насыщать душу твою во время засухи, и насыщать кости твои; и ты будешь подобен орошаемому саду и источнику воды, воды которого не иссякают. И те, кто будет от тебя, построят старые заброшенные места; ты воздвигнешь основы многих поколений; и ты будешь называться Заделывателем бреши, восстановителем путей для жизни ". И все же, если бы я утверждал, что они должны встретить участь пиратов, я был бы не более личностным, не более безжалостным, чем закон Конгресса, признающий пиратским актом порабощение коренного африканца, под каким бы предлогом или при обстоятельствах; ибо с точки зрения разума и стандартов вечной справедливости, это преступление. столь же великое преступление порабощать человека, родившегося на нашей собственной земле, как и на побережье Африки; и поскольку в последнем случае ни ссылка на то, что мы честно купили или унаследовали его, ни предлог искать для него временного и вечного блага, доставив его в цивилизованную и христианскую страну, не будут считаться сколько-нибудь весомыми, поэтому ни одно из оправданий рабовладения в этой стране не заслуживает ни малейшего рассмотрения. Акт в обоих случаях, по сути, один и тот же - одинаково бесчеловечный, аморальный, пиратский. Угнетение не зависит от широты или долготы; здесь его можно простить, там - подвергнуть проклятию; здесь возвести угнетателя на высшую ступень, там подвесить его за шею до тех пор, пока он не умрет; здесь совместимо с христианством, там быть клейменным и наказанным как пиратство. "Тот, кто украдет человека и продаст его, или если он будет найден в его руках, тот непременно будет предан смерти". Так гласит кодекс Моисея, и по нему каждый американский рабовладелец осуждается за преступление, караемое смертной казнью. В Декларации независимости он объявлен похитителем людей. Что касается меня, я просто раскрыл его вину, умолял его покаяться и "пойти и больше не грешить".

Какое экстравагантное заявление я сделал в защиту рабов? Будет ли получен ответ: "Их немедленное освобождение!" Тогда Бог, через своего пророка, виновен в расточительности! Тогда Томас Джефферсон, написавший Декларацию независимости, и все, кто подписал этот документ, и все, кто присоединился к революционной борьбе, были обманщиками, утверждая, что это самоочевидная истина, что все люди наделены своим Создателем неотъемлемым правом на свободу! Проблема не во мне, а в них и в Боге. Что! разве это заходит слишком далеко - просить для тех, кто всю свою жизнь подвергался насилию и грабежу, ничего, кроме бездомной, без гроша в кармане, обнаженной свободы? Никакой компенсации за их прошлый безответный труд; никакого возмещения за их многочисленные обиды; никакого возмещения за разорванные связи, кровоточащие спины, бесчисленные рваные раны, помраченный

интеллект, загубленные души! Правда в том, что полной справедливости для поработанных никогда не требовали.

Как рабовладельческая система разрослась до своих нынешних огромных размеров? Благодаря компромиссу. Как ее можно уничтожить? Только бескомпромиссным духом. Это должно осуществляться во всех жизненных отношениях — социальных, политических, религиозных. Не включайте в список своих друзей и не допускайте в свой домашний круг человека, который принципиально защищает рабство, но относитесь к нему как к моральному прокаженному. "Если к вам обратится американец, - сказал Дэниел О'Коннелл своим соотечественникам, - сразу выясните, не рабовладелец ли он. У него могут быть с вами дела, и чем меньше вы будете иметь с ним дел, тем лучше; но как только это закончится, отвернитесь от него, как если бы он заболел холерой или чумой - ибо он поражен моральной холерой и политической чумой. Он не принадлежит к вашей стране или вашему климату - он не находится в черте цивилизации или христианства". В другой раз он сказал: "Сегодня утром меня посетил американский джентльмен, и я спросил его с некоторой тревогой: "Из какой части Америки вы родом?" — "Я приехал из Бостона". Окажите мне честь пожать руку; вы приехали из штата, который никогда не был запятнан рабством — штата, в который наши предки бежали от тирании Англии — и худшей из всех тираний, попытки вмешаться в отношения человека и его Бога - тирании, которую я в принципе помог искоренить в этой стране и желаю искоренить в каждой стране на глазах у всех. всего земного шара. Отвратительно и нагло вмешиваться в отношения между человеком и его Богом; сковывать законом выбор, который совесть делает в отношении своего способа поклонения вечному и обожаемому Богу. Я не могу говорить о терпимости, потому что она предполагает, что человеку было дано благо, позволяющее ему иметь свободную совесть. Я сказал, что именно в этой борьбе ваши отцы покинули Англию; и я рад видеть американца из Бостона; но мне было бы жаль быть оскверненным прикосновением человека из тех Штатов, где рабство продолжается. "О, - сказал он, - вы намекаете на рабство, хотя я и не сторонник этого, но, если вы мне позволите, я обсудю с вами этот вопрос". Я ответил, что если человек предложит мне обсудить уместность обыска в карманах, я выгоню его из своего кабинета, опасаясь, что он применит свою теорию на практике. - И не желая вас обидеть, - добавил я, - чего я не могу иметь в виду по отношению к джентльмену, который оказывает мне честь нанести вежливый визит, я бы с таким же успехом обсудил с вами один вопрос, как и другой. Первое - это ничтожная кража.

"Тот, кто крадет мой кошелек, крадет мусор; это что—то, ничто;
Это было мое, это его, и было рабом тысяч" -

но тот, кто думает, что может отстоять владение одним человеческим существом другим — продажу души и тела, разлуку с отцом и матерью, отнятие матери от грудного младенца и продажу одного одному хозяину, а другого другому, — это человек, которому я не отвечаю словами, ни ударами, ибо время для последнего еще не пришло".

Если такой дух мужественного негодования и негибаемой честности проникал в сердце северян, как долго могло устоять перед ним рабство? Но где его найти? Увы! человека, чьи руки обгажены кровью, почитают и ласкают пропорционально количеству его жертв; в то время как "тот, кто отступает от зла, сам становится добычей". Это верно повсеместно в нашей стране. Почему бы Рабовладельческой власти не добиться колоссальных успехов на континенте?

"Севера нет". Повсюду виден подлый, торгашеский, трусливый, компромиссный дух. Никакое оскорбление или возмущение, никакой нечестивый или кровавый поступок со стороны Юга не может побудить нас к сопротивлению или внушить нам самоуважение. Мы видим, как наших свободных цветных граждан сажают в тюрьмы Юга или продают с аукциона только за то, что они были найдены на южной земле; и мы не смеем требовать возмещения ущерба. Наша торговля с Югом скована плантационными оковами — "Свобода торговли и права моряков" ежедневно нарушаются в южных портах; и мы покорно подчиняемся этому, как раб подчиняется ударам плети. Наше естественное, данное Богом право на свободу слова, хотя конституционно и признано священным в каждой части страны, может быть реализовано в рабовладельческих штатах только с риском для нашей жизни. Рабство не может вынести ни единого луча света или малейшей критики. "Характер рабства", - говорит правительство. Суэйн из Северной Каролины "обсуждению не подлежит" — имеется в виду на Юге. Но он идет дальше этого и добавляет: "У нас есть неоспоримое право требовать от Свободных Штатов полного и незамедлительного пресечения подобных дискуссий". Правительство. Тазуэлл из Вирджинии делает такое же заявление. Губернатор . Лампкин из Джорджии говорит: "Оружия разума и аргументации недостаточно, чтобы прекратить дискуссию; поэтому мы не можем выслушать никаких аргументов по этому вопросу, поскольку наши мнения неизменны". И он добавляет, что Рабовладельческие штаты "обеспечат свою собственную защиту, и тем, кто выступает против рабства, лучше держаться подальше от их границ, иначе они накажут их". "Чарльстонский курьер" заявляет: "Виселица и кол (*то есть* сожжение заживо и повешение) ожидают аболиционистов, которые осмелятся лично появиться среди нас". Колумбийский *телескоп* заявляет: "Давайте объявим через общественные журналы нашей страны, что вопрос о рабстве не является и не должен обсуждаться; что система слишком глубоко укоренилась среди нас и должна остаться навсегда; что в тот самый момент, когда любой частный человек попытается прочитать нам лекцию о ее зле и безнравственности и необходимости задействовать средства, чтобы обезопасить нас от них, в тот же момент его язык будет отрезан и брошен на навозную кучу ". В "Аргусе" штата Миссури говорится: "Редакторы, занимающиеся отменой смертной казни в рабовладельческих штатах, не посмеют открыто высказать свое мнение. Это была бы мгновенная смерть для них". Наконец, Новый Орлеан *истинный американец* говорит: "Мы можем заверить, один и все, кто вступили в гнусный план отмены рабства на юге, что ресницы будут в дальнейшем будет избавлен от спинами своих эмиссаров. Пусть они отправят своих людей в Луизиану; они никогда не вернутся, чтобы рассказать о своих страданиях, но они искупят преступление вмешательства в наши внутренние институты, будучи сожженными на костре ". И северяне съезжаются от этого и соглашаются, чтобы их губы были заперты на висячий замок и чтобы у них отняли их конституционное право, да, и их естественное право, во время путешествия на Юг; в то время как властный рабовладелец пересекает Свободные Штаты вдоль и поперек с открытым ртом и нечестивым языком, безнаказанно проклиная свободу и ее защитников и выбирая Плимут-Рок и празднование высадки на нем Паломников как место и повод, особенно подходящие для восхваления рабства и Закона о беглых рабах!

"Теперь, клянусь прахом наших отцов! куда подевался дух
Тех, кто был искренен сердцем и не был скован?
Сыновья старых свободных людей! унаследуем ли мы только
их имена?

"Неужели древний дух Пилигрима угас в нас,
так низко опускает гордую мужественность наших душ,
Что коварство Страсти или приманка Партии могут заставить нас
замолчать сейчас?"

Какова бы ни была вина Юга, Север по-прежнему несет большую ответственность за существование, рост и распространение рабства. В ее руках с самого начала была судьба Республики. Она могла бы освободить любого раба задолго до этого, если бы была честна сердцем и свободна духом. Она обеспечила респектабельность, безопасность, средства к существованию и нападения своему самому смертоносному врагу. Она имеет образование в целом по стране, и особенно в южной ее части, придерживаясь светского подхода, с богословской точки зрения религиозной, и в результате, три с половиной миллиона рабов, растет в ужасающей разнице от ста тысяч в год, три сотни в день, и каждые пять минут — полнейшая коррупция общественного настроения и общего скептицизма в отношении прав человека — открытие Маммона на место Бога живого — потеря всего уважения, все мужское достоинство, все чувства стыда, все, что касается справедливости — в книге величали святым, и утверждал, что боговдохновенным, всюду излагается и применяется в оправдание или защиту рабовладельческой, так и против движения против рабства — цвет-фобия заражения жизнь — кровь людей — политических расточительство аналогов — религиозной и светской печати, как правило, враждебно Аболиционизм как неверных или анархической по своему духу и цели — большой массе церквей, как мало жизнеспособности в качестве погоста — кафедр, за редким исключением, наполненным людьми, как осторожны, чтобы проконсультироваться Народной воли, как будто там были не выше закона — синоды, presbyteries, общих конференций, общих собраний, подкрепляя раб сила — власть открыто про-рабство и национальный район центральный офис раб спекулянтов — пятнадцать рабовладельческих штатов — и теперь, отмена Миссури компромисс, и освящение пятисот тысяч квадратных миль территории, свободной навеки в службу раб силы!

И что все это демонстрирует? Что грех этой нации не географический — не специально южный, — а глубоко укоренившийся и универсальный. "Уболит вся голова, и все сердце замирает". Мы "полны ран, ушибов и гниющих язв". Это также доказывает бессмысленность всех пластырей и паллиативов. Некоторые мужчины все еще говорят о предотвращении распространения рака, но оставить его там, где он есть. Они признают, что по конституции у него теперь есть право опустошать две трети политического тела, но они протестуют против его расширения. Это моральное шарлатанство. Даже некоторые, чье рвение в борьбе с рабством является пламенным, настолько увлечены, что не предлагают никакого другого средства от рабства, кроме как не распространять его. Не давайте ему больше места, говорят они, и его можно смело оставлять на произвол судьбы. Да, но кто будет "звенеть колокольчиком"? Кроме того, имея пятнадцать рабовладельческих штатов и более трех миллионов рабов, как мы можем выдвигать какие-либо моральные претензии к Рабовладельческой власти против ее дальнейшего распространения? Почему не должно быть двадцати, тридцати, пятидесяти рабовладельческих штатов, а также пятнадцати? Почему звездно-полосатое знамя не должно развеиваться над десятью, а также над тремя миллионами рабов? Почему Небраска не должна обрабатываться рабским трудом, как Флорида или Техас? Если мужчины, согласно американской конституции, могут содержать рабов по своему усмотрению и без позора на половине территории страны, почему бы не на всей ее территории? Если для нас было бы тяжким грехом принять в Союз

другое Рабовладельческое государство, то почему не является тяжким грехом позволить Рабовладельческому государству остаться в Союзе? Разве не было бы верхом бесстыдства для человека, состоящего в дружеском союзе с пятнадцатью карманниками, заявлять о угрызениях совести в связи с принятием в братство еще одного мошенника-воришки? "Ты, который говоришь, что человек не должен красть, крадешь ли ты", или, в любом случае, соглашаешься на воровство? "Если Господь - Бог, служите Ему; но если Ваал, то служите ему". Юг вполне может посмеяться над напускной моральной чувствительностью Севера по отношению к распространению его рабовладельческой системы. В нынешних отношениях государств это ничто иное, как сентиментальное лицемерие. У него нет стойкости — нет хребта. Аргумент в пользу непродления является аргументом в пользу роспуска Союза. С пылом морального негодования я протестую против обещания, кем бы оно ни было дано, что, если Рабовладельческая власть больше не будет стремиться удлинить свои веревки и укрепить свои кольца, она может оставаться безнаказанной и выживать столько, сколько сможет в своих нынешних пределах. Я бы скорее стал пиратом в открытом море, чем дал свое согласие на любое подобное соглашение. Я не понимаю моральный кодекс тех, кто, крича в агонии при мысли о том, что Небраска становится Территорией рабов, фактически говорят Югу: "Только воздержитесь от своих нынешних планов, и мы оставим вас пороть, терзать, грабить и уничтожать миллионы несчастных, которые уже находятся в вашей власти. Если вы больше не будете поднимать эту тему, мы не будем". В таком вопросе нет ни смысла, ни принципа, ни силы. Ни одному рабовладельцу Я не позволю наслаждаться покоем ни при каких других условиях, кроме как немедленно перестать им быть. Ни одного раба я не оставлю в цепях, ни при каких условиях и ни при каких обстоятельствах. Я не буду пытаться заключить для Господа настолько выгодную сделку, насколько мне позволит дьявол, и ссылаться на необходимость компромисса, и сожалеть, что я не могу поступить лучше, и быть благодарным за то, что я могу сделать так много. Необходимо соблюдать предписание Священного Писания: "Сопротивляйся дьяволу, и он убежит от тебя". Мой девиз: "Никакого союза с рабовладельцами, религиозного или политического". Их девиз - "Рабство навсегда! Никакого союза с аболиционистами, ни в Церкви, ни в государстве!" Проблема ясна, эксплицитна, определена. Стороны понимают друг друга и выстраиваются в боевой порядок. Они никогда не смогут помириться — никогда не пойдут вместе — никогда не согласятся на перемирие — никогда не обменяются сладкими фразами — никогда не поклонятся у одного алтаря - никогда не признают одного и того же Бога. Между ними - непроходимая пропасть. В манерах, в морали, в философии, в религии, в идеях справедливости, в понятиях права, в теориях правления, в оценках людей они совершенно непохожи.

Я молил бы Бога, чтобы мы могли быть тем, кем мы никогда не были, — объединенным народом; но Бог делает это возможным только тем, что "провозглашает свободу по всей земле, всем ее жителям". Каким чудом Свобода и рабство могут мирно взяться за руки? Как они могут управлять одним и тем же правительством или издавать законы в одних и тех же интересах? Как они могут принять одно и то же крещение, быть допущенными к одному и тому же причастию, верить в одно и то же Евангелие и получить одно и то же небесное наследие? "Я говорю как мудрец; судите сами". Некоторые положения уже давно признаны простыми, не допускающими противоречий. Апостольский вопрос считался в равной степени назидательным и уместным: "Какое согласие имеет Христос с Велиалом? или какое общение имеет свет с тьмой?" Огонь и порох, масло и вода не могут слиться воедино; но, несомненно, они не более антагонистичны, чем элементы Свободы и Рабства. Следовательно, нынешний Американский союз един только

по форме, а не в реальности. Это абсолютное господство рабовладельческой власти над всей страной — и так было всегда, не более того. Какие разногласия или конфликтующие интересы существуют между несколькими Свободными штатами? Нет. Они однородны, одушевлены одним и тем же духом, гармоничны в своем действии, как движение сфер. Только когда мы подходим к разделительной линии между Свободными штатами и Рабовладельческими, мели, буруны и водовороты окружают государственный корабль и угрожают поглотить его или посадить на мель. Затем буря бушует громко и долго, и океан народных чувств приходит в неистовство.

Пока существует нынешний Союз, я объявляю безнадежным ожидать какого-либо успокоения или того, что может быть эффективно воздвигнут какой-либо барьер против распространения рабства. С собственностью в виде человеческой плоти стоимостью в две тысячи миллионов долларов в своих руках, за которой следят и которой управляют как единым целым для всего Юга — с силами, которые никогда не разделяются, и целями, которые никогда не противоречат друг другу — с ложной религией, ненавидящей негров, распространенной повсюду и везде готовой защитить ее от вреда - с эгоистичным, грязным, разделенным Севером, давно лишенным своей мужественности, чтобы задабривать, подкупать и запугивать — с его ногой, стоящей на двух третях наших обширных национальных владений, и там его власть неоспорима, абсолютна и кровава — с его ужасающая сила и безграничные ресурсы всей страны в ее распоряжении - не может быть иначе, как Рабовладельческая Власть доведет свои дьявольские цели до конца. Северо-западная территория, Небраска, Мексика, Куба, Хайти, Сандвичевы острова и колониальные владения в тропиках — захватить и подчинить их своему проклятому правлению и, в конечном счете, восстановить иностранную работорговлю в качестве законной торговли, входят в число его обоснованных планов. Это вопрос не вероятностей, а времени. И кого справедливый Бог возложит на себя ответственность за все эти результаты? Все, кто презирает и преследует людей из-за их цвета кожи; все, кто поддерживает рабовладельческую религию как подлинную; все, кто протягивает правую руку христианского братства людям, чьи руки запятнаны кровью раба; все, кто считает материальное процветание превыше моральной целостности, а закон страны выше закона Божьего; все, кто враждебен или безразличен к антирабовладельческому движению; и все, кто выступает за необходимость идти на компромиссы с рабовладельческой властью, чтобы Союзу не было нанесено ущерба.

Само по себе рабство не имеет ресурсов и силы. Изолированное и одинокое, оно не выдержало бы и часа; и, следовательно, дальнейшая агрессия и завоевания были бы невозможны.

Говорит редактор "Мэрисвилля" (Теннесси). "*Интеллидженсер*" в статье о характере и положении рабовладельческого населения:

"Мы, жители Юга, решительно окружены опасным классом существ — деградировавшими, тупыми дикарями, — которые, если бы они могли хотя бы раз допустить мысль о том, что немедленная и безоговорочная смерть не будет их уделом, повторили бы трагедию Сан-Доминго. Но сознание, при всей их глупости, что десятикратная сила, превосходящая их в дисциплине, если не в варварстве, соберется со всех четырех концов Соединенных Штатов и уничтожит их, держит их в подчинении. Но, в частности, мы в долгу перед нерабовладельческими государствами за постоянную защиту от восстаний. Без их помощи

нынешнее население Юга было бы слишком слабо, чтобы унять это безумное стремление к свободе, которое всегда готово проявиться в каждом разумном существе ".

Во время дебатов в Конгрессе по поводу резолюции об осуждении Джона Куинси Адамса за представление петиции о роспуске Профсоюза мистер Андервуд из Кентукки сказал:

"Они (Южане) были более слабой частью, находились в меньшинстве. *Север мог делать с ними все, что им заблагорассудится*; они могли принимать свои собственные меры. Все, о чем он просил, - это чтобы они сообщили Югу, каковы были эти меры. Одно он знал хорошо: этот штат, который он частично представлял, возможно, проявлял к этому предмету больший интерес, чем любой другой, за исключением Мэриленда и небольшой части Вирджинии. И почему? Поскольку он знал, что нужно распустить Союз и разделить различные штаты, составляющие конфедерацию, сделав реку Огайо и линию Мейсона и Диксона пограничной линией, *он знал, что как только это будет сделано, с рабством будет покончено* в Кентукки, Мэриленде и значительной части Вирджинии, и оно распространится на все штаты к югу от этой линии. *Распад Союза был распадом рабства*. У южан было обычной практикой подниматься на этот этаж и говорить: "Коснись этой темы, и мы расторгнем этот Союз в качестве средства правовой защиты". *Их средством было уничтожение того, что они хотели спасти*, и любой здравомыслящий человек мог это увидеть. Если бы Союз распался на две части, раб пересек бы черту, а затем обернулся и проклял хозяина с другого берега".

Заявление мистера Андервуда о полной зависимости рабовладельцев от граждан номинально Свободных Штатов в охране их плантаций и защите их от дезертирства в значительной степени подтверждается Томасом Д. Арнольдом из Теннесси, который в речи по названному вопросу заверяет нас, что они в равной степени зависят от Севера в том, что касается *личной защиты* от своих рабов. Излагая причины своего вступления в Профсоюз, г-н Арнольд использует следующую формулировку:

"У Свободных Штатов было большинство в 44 голоса в этой Палате представителей. Согласно новой переписи, у них будет 53. Дело рабовладельческих штатов становилось все слабее и слабее, и что им оставалось делать? Он спрашивал своих друзей-южан, на что Юг должен рассчитывать, если Союз будет распущен? Предположим, что роспуск мог быть осуществлен мирным путем (если это не предполагало противоречия в терминах), от чего тогда зависел Юг? *Все коронованные особы были против нее. Миллион рабов были готовы подняться и сразиться за свободу при первом ударе барабана*. Если они были оторваны от своих друзей на Севере (друзей, которые должны были быть, а без них у Юга не было друзей), *где им было искать защиты?* Как они могли выдержать нападение со стороны Англии или Франции, когда рак поражал их жизненно важные органы? Чем больше Юг размышляет, тем яснее он должен видеть, что у него есть глубокая и жизненно важная заинтересованность в сохранении Союза".

Эти свидетели не могут быть ни привлечены к ответственности, ни исключены из судебного процесса, и их показания правдивы. Таким образом, пока сохраняется Союз, я не вижу концараспространению или сохранению навечно рабства движимого имущества — никакой надежды на мирное освобождение миллионов людей, которые бряцают своими цепями на нашей кроваво-красной земле. И все же я знаю, что правит Бог и что рабовладельческая система содержит в себе элементы разрушения. Но как долго еще проклинать землю и осквернять Его образ, он один предвидит. Страшно подумать о способности такого народа совершать грехи до того, как мера его беззаконий будет исполнена и его постигнут

истребляющие суды Божьи. Ибо что нам остается, кроме "страшного ожидания суда и пламенного негодования"? Или Бог - всего лишь призрак, а Вечный Закон - всего лишь плод воображения? Произошел ли вечный разрыв между причиной и следствием, и является ли абсурдной доктриной то, что нация что посеет, то и пожнет? "А потому, слушайте слово Господне, вы, презренные люди, которые правят этим народом: за то, что вы сказали: "Мы заключили завет со смертью, и с адом мы в согласии"; когда всепоглощающий бич пройдет, он не достигнет нас; ибо мы сделали ложь своим убежищем, и под ложью мы спрятались сами; А потому, так говорит Господь Бог, суд Я возложу на черту, а правду - на отвес; и град сметет убежище лжи, и воды переполнят убежище; и ваш завет будет нарушен. со смертью все будет расторгнуто, и ваше соглашение с адом не останется в силе; когда всепоглощающий бич пройдет, тогда вы будете растоптаны им".

Настали торжественные времена. Это не борьба за национальное спасение; нация как таковая, похоже, обречена безвозвратно. Причина, по которой правит Юг, а Север падает ниц в рабском ужасе, проста: для Юга сохранение рабства имеет первостепенное значение по сравнению со всеми другими соображениями — превыше партийного успеха, конфессионального единства, денежных интересов, юридической неприкосновенности и конституционных обязательств. На Севере сохранение Союза ставится превыше всего остального — выше чести, справедливости, свободы, целостности души, Декалога и Золотого Правила — самого Бесконечного Бога. Всем этим она готова пожертвовать ради Союза. Ее преданность ему - новейшая и самая ужасная форма идолопоклонства. Она предоставила Рабовладельческой властике *арт—бланш*, который нужно заполнять по своему усмотрению — и если в какой-то момент она станет беспокойной под ярмом и отступит в ужасе от задуманного нового зверства, этой Власти достаточно лишь щелкнуть кнутом Разобщения над ее головой, как это делалось снова и снова, и она съежится и подчинится, как рабыня с плантации - ибо разве она не поклялась, что жертвует всем на небесах и на земле, а не Союзом?

Что же тогда делать? Друзья раба, вопрос не в том, сможем ли мы своими усилиями отменить рабство, быстро или отдаленно — ибо долг наш, результат зависит от Бога; но пойдем ли мы с толпой творить зло, продадим ли свое первородство за похлебку, перестанем ли громко плакать и не жалеть, и останемся ли в Вавилоне, когда повеление Божье гласит: "Выйди из него, народ мой, чтобы не быть причастниками его грехов и не подвергнуться его язвам". Давайте устоим в своем жребии, "и, сделав все, устоять". По крайней мере, остаток будет спасен. Живые или умирающие, побежденные или победоносные, мы вправе воскликнуть: "Никаких компромиссов с рабством! Свобода для каждого, для всех, навсегда! Человек превыше всех институтов! Верховенство Бога над всей землей!"

В тексте исправлены типографские ошибки:

Страница 7: Европейский заменен на европейский

Страница 9: оправдание заменено на оправдание

Страница 26: ужасающий заменен на ужасный

На странице 16 на отсканированном изображении частично заблокировано слово. Из контекста весьма вероятно, что это слово "требовать":

"Я ни разу не высказывал крайних чувств и не делал экстравагантных выводов. Я полностью избегал фанатизма, с одной стороны, и с другой".